

М. Б. Ильичёва

Norway and Russia in the Arctic: Conference proceedings from the international conference «Norway and Russia in the Arctic», Longyearbyen, 25–28 August 2009 / Stean Bones and Petia Mankova, eds. // *Speculum Boreale*. Tromsø, 2010. N 12. 163 s. (The Publication Series of the Department of History and Religious Studies University of Tromsø)

Очередной том научного издания Отделения истории и религиозных исследований университета Тромсё представляет собой специальный выпуск, посвященный материалам научного семинара «Норвегия и Россия в Арктике». Семинар прошел в августе 2009 г. на Шпицбергене и явился частью масштабного проекта «Ассиметричное соседство: Норвегия и Россия 1814–2014», одна из задач которого — осмыслить историю двух стран в контексте истории Севера. Их интересы здесь постоянно соприкасались и пересекались, но не всегда совпадали. Тем важнее проанализировать наиболее сложные эпизоды в отношениях соседей, рассмотреть влияние международных процессов на решения Осло и Москвы, касающиеся северных регионов.

Ученые, которые представили свои доклады на семинаре, работают в разных сферах гуманитарного знания — истории международных отношений, политологии, истории науки. Всех их объединяет интерес к истории Арктики в широком смысле слова. Редакторы С. Бунес и П. Манкова продумали структуру сборника таким образом, чтобы материалы докладов и подготовленные на их основе статьи достаточно разносторонне освещали аспекты международных отношений Норвегии и России. В 16 работах, отобранных для публикации в сборнике, рассматриваются такие темы, как история экономического освоения Шпицбергена, вклад отдельных исследователей и предпринимателей в развитие этих областей, дипломатические отношения, становление международного права, касающегося Арктики, и общие основы международной политики в этом регионе.

Ильичёва Мария

Борисовна,

кандидат

исторических наук,

доцент, Мурманский

государственный

гуманитарный

университет.

mariailitcheva1@rambler.ru

Экономическую деятельность в Арктике и на Шпицбергене в частности, Россия и Норвегия вели издавна, но лишь в XIX–XX вв. их интересы здесь стали привлекать внимание более широких кругов общества и правительственных ведомств. Несколько участников семинара посвятили свои доклады деятельности первопроходцев промыслового и промышленного освоения архипелага.

Известный специалист в области истории Русского Севера Й. П. Нильсен (Университет Тромсё) в статье «Русский и норвежский зверобойный промысел на Шпицбергене до 1850 г.: две различные традиции» показал разные подходы к промысловой деятельности русских и норвежцев на архипелаге. Сам автор ставит перед собой задачи «скорее выделить наиболее интересные аспекты этой темы для сравнительного анализа, чем проводить сам анализ» и «выявить различия в русской и норвежской традициях полярного промысла в более широкой перспективе» (С. 7). Среди вопросов, которые требуют сравнительного изучения, он отмечает хронологию истории промысла для каждой из стран, в частности, начало этой деятельности и роль, которую освоение Севера сыграло в формировании национальной идентичности, и — шире — национальных интересов соседствующих народов. Й. П. Нильсен отмечает, что и поморы, и жители Северной Норвегии активно осваивали этот промысловый район. Однако временные параметры этой деятельности были у них различны, не синхронны: первая половина XIX в., когда норвежцы только начинали эту деятельность, стала для русских завершающим этапом в истории зверобойных экспедиций. Причины этого несовпадения во времени и нужно выяснить, чтобы понять тенденции в политике каждого из государств в Арктике. Отмечая, что на протяжении XIX в. мнение норвежцев о русских промыслах и промысловой культуре, связанных с Севером, изменилось в худшую сторону, Й. П. Нильсен предостерегает от того, чтобы безоговорочно доверять этому мнению. Он напоминает, что к середине столетия в кругах норвежской элиты сложилось негативное восприятие России и русских и соответствующее отношение к ним. Возможно, полагает автор, эти взгляды, больше характерные для представителей официальных кругов столичного региона, достигли областей Северной Норвегии и повлияли на традиционное для них положительное восприятие русских — соседей и соперников в промысловом деле (С. 14). Изменения в промысловой активности поморов проанализированы Й. П. Нильсеном со всей тщательностью, и даже в столь небольшой работе дают достаточно полную картину развития этой сферы экономики Русского Севера.

Другую страницу хозяйственной деятельности русских на Шпицбергене раскрывает в своей статье «Интересы российского предпринимательства на Шпицбергене в начале XX века: Павел Веймарн и его “Русская компания Шпицбергена”» В. А. Карелин (Мурманский государственный педагогический университет). Деятельность Павла Петровича фон Веймарна, русского морского офицера, предпринимателя и дипломата, привлекла внимание автора возможностью проследить переплетение государственных интересов России и личных устремлений ее

граждан на Шпицбергене. В статье сочетаются биографический материал и анализ исторических фактов. Автор использовал разнообразные архивные источники.

Э.-А. Дривенес из Университета Тромсё посвятил свою статью личности Адольфа Хёля — норвежского исследователя: он известен не только как геолог, но и как один из идеологов усиления позиций Норвегии в Арктике. Автор сосредоточивает внимание на его теории «жизненного пространства» и задается вопросом о том, в какой мере на идеи Хёля повлияла концепция немецкого географа Ф. Рацеля «Lebensraum», которую взяли на вооружение нацисты. Проведя сравнительный анализ вариантов теории «жизненного пространства», Э.-А. Дривенес приходит к выводу, что норвежский ученый вдохновлялся идеями Ф. Рацеля, но не нацистской интерпретацией этих идей (С. 31).

Значительное место среди материалов семинара занимают работы, темой которых является международное право в применении к Арктике в целом и Шпицбергену в частности. Сотрудник Министерства юстиции и полиции Норвегии М. Рюуд в статье «Международное право и “битва за Арктику”» исследует интереснейший аспект этой темы — связи законодательства и истории. Рассматривая становление международного права, касающегося северных территорий, он прослеживает его формирование в трех отдельных направлениях: применительно к земле, водным массам (морям) и континентальному шельфу, сравнивая ситуацию в Арктике с той, которая складывалась в борьбе интересов разных государств за Антарктиду и даже Средиземноморье. При этом в центре внимания автора — позиция Норвегии. М. Рюуд констатирует, что в Арктике уже не осталось свободных земель или морских пространств, на которые государства-претенденты могли бы предъявить права. Не определены лишь права на континентальный шельф (С. 38–39). Однако «битвой за Арктику» автор статьи сегодняшнюю ситуацию на мировой арене не считает, по его мнению, это скорее «соревнование по весьма строгим правилам» (С. 38).

Украинский специалист в области международного права Л. Тимченко продолжает поднятую норвежским экспертом тему в другом ключе. В своей работе «Россия и международный правовой режим в Арктике» он рассматривает эволюцию советской, а затем и российской концепции разграничения территорий в Арктической зоне, обращаясь при этом к опыту Канады и других стран, имеющих в этом регионе свои интересы. Автор выступает против секторального принципа определения границ и считает, что настала пора установить здесь новый правовой режим. Возглавить движение за его введение, полагает Л. Тимченко, могла бы Норвегия (С. 47).

Углубленный анализ применения секторального принципа в территориальных спорах Норвегии и СССР дает В. Бьёрнсен (Университет Тромсё) в статье «Дискуссия Норвегии и Советского Союза о секторальном принципе в межвоенный период и советский секторальный декрет». Исторический ракурс позволил автору проследить, как данный принцип оказывал влияние на политику двух стран в Арктике и на их отношения в широком международном контексте. Особое внимание В. Бьёрнсен уделил различиям в интерпретациях секторального принципа деления

арктических территорий с точки зрения политической географии и политической доктрины. Он подчеркивает, что секторальное деление в Арктике не принято международным сообществом в качестве границ. Однако приверженность Канады и Советского Союза этому принципу, по мнению исследователя, демонстрирует их заинтересованность в его использовании и легитимизации. Норвегии же в своей арктической политике важно противостоять этому (С. 65).

Отдельная тема в материалах сборника — Шпицберген и его место в отношениях Норвегии и России. Т. Педерсен (Университет Тромсё) в статье «Конфликт и порядок в водах Шпицбергена: обзор» рассматривает ситуацию с промыслом рыбы в водах вблизи архипелага в контексте развития международного права и, в частности, Договор о статусе Шпицбергена (1920). Автор выявляет точки расхождения в толковании международных законов о границах промысловых зон. Особенно важно, что он анализирует позиции всех заинтересованных государств — не только Норвегии и России, но и Испании, Исландии, Британии, Нидерландов, Дании, США, Франции, Германии, Канады, Финляндии и Швеции. Богатые рыбные запасы и близость газоконденсатных месторождений делают борьбу интересов разных государств в этом районе достаточно жесткой, и требуют большей правовой определенности в этой сфере политики.

Вопроса о Шпицбергене в отношении Норвегии и России касаются А. Касиян и С. Хольтсмарк. А. Касиян (Институт всеобщей истории РАН) в статье «Проблема Шпицбергена, 1879–1920» удалось проследить зарождение конфликтной ситуации вокруг архипелага, когда в этом районе Арктики столкнулись интересы не только Норвегии и России, но также Швеции, Британии и Соединенных Штатов. Именно в этот период вопрос о Шпицбергене приобрел международный характер и стал предметом международного права. Автора интересует изменение статуса Шпицбергена от *terra nullius* до территории, на которую распространяется суверенитет Норвегии. Позиция России в этой связи рассматривается А. Касиян на основе анализа архивных источников.

С. Хольтсмарк (Норвежский институт оборонных исследований) также делает темой своей работы вопрос о Шпицбергене в отношении Норвегии и Советского Союза, но в гораздо более узких временных рамках — в период 1944–1947 гг. («Проблема Шпицбергена, 1944–47»). Отмечая, что в межвоенный период у двух стран не было серьезных споров о статусе архипелага, автор показывает, как меняется ситуация во время Второй мировой войны, когда Советский Союз предъявил претензии на создание военных баз на Шпицбергене, а затем и в Северной Норвегии. Исследуя на основе российских архивов политику СССР в отношении северного соседа, С. Хольтсмарк рассматривает противоречия в высшем партийном и военном руководстве страны. По его мнению, советско-норвежские переговоры 1944–1947 гг. имели решающее значение в отношениях двух стран. Советское руководство восприняло политику, проводимую частью лидеров во главе с В. М. Молотовым, как ошибочную. Норвежская сторона, осознав интересы и исторические права Советского Союза в регионе, стала более настороженно относиться к любым действиям соседа в Арктике, и в итоге выбрала вступление в НАТО (С. 91).

К теме советской политики на Севере обращается и А. Комаров (Институт всеобщей истории РАН). В его статье «Арктическая Норвегия в советской политике (комментарии к теме)» дается целостное представление о советско-норвежских отношениях на Севере в период 1920–1960-х гг., отмечены основные вехи становления сотрудничества. При этом особое внимание автор уделяет эпохе Хрущева. Привлекая архивные материалы, он прослеживает постепенное, шаг за шагом, развитие дипломатических контактов двух стран и формирование норвежского направления арктической внешней политики СССР.

Как российская политика в Арктике сказывалась на решениях Осло в отношении Шпицбергена, проанализировал Т. Б. Арлов (Норвежский университет науки и технологии и Университетский центр на Шпицбергене). В его работе «Человек посередине? Губернатор Шпицбергена и норвежско-российские отношения на Крайнем Севере» рассматривается не только процесс формирования норвежской политики в этом направлении; автора интересует, как менялась роль губернатора архипелага в международной политике с момента учреждения этой должности в 1925 г. до начала 1990-х гг. Т. Б. Арлов задается вопросом, насколько пост губернатора был в действительности важен, иными словами, являлся ли губернатор реальным посредником в норвежско-российских отношениях или играл лишь формальную роль (С. 103). В итоге он приходит к выводу, что институт губернаторской власти на Шпицбергене пережил достаточно сложную эволюцию и был тесно взаимосвязан с «российским фактором» в норвежской внешней политике. Усиление советского присутствия на архипелаге и в Арктике в целом привело к укреплению позиций губернаторской власти и росту ее роли во взаимоотношениях двух стран с 1970-х гг. При этом нельзя не учитывать и человеческий фактор, то есть конкретную деятельность отдельных лиц, занимавших губернаторский пост.

Проблема норвежского присутствия на Шпицбергене в контексте формирования политики безопасности Норвегии ставится К. Бьёрклундом (Норвежский институт оборонных исследований). Его статья «Норвежское присутствие на Шпицбергене как мера политики безопасности, 1900–1960» показывает поэтапное развитие этого процесса. По мнению автора, усиление норвежских позиций на архипелаге было частью государственной политики в Арктике. Мотивами ее, однако, были не только экономические интересы. Уже в конце XIX в. норвежское правительство проявляло особое внимание к вопросам, связанным со Шпицбергеном. Активные научные исследования и добыча угля на архипелаге были призваны продемонстрировать, что Шпицберген вошел в сферу норвежских интересов (С. 117–118). С начала XX в. молодое Норвежское государство готово было бороться и за суверенитет над архипелагом — его активность в этом районе Арктики давала для этого основания. Постепенно расширявшееся присутствие здесь требовало защиты интересов Норвегии. Автор полагает, что лишь в период 1925–1944 гг. проблема приобрела политический характер и стала вопросом безопасности. Он связывает это с началом деятельности советских компаний на архипелаге. Во второй половине 1940-х — 1950-х гг., по мнению Бьёрклунда, Шпицберген совершенно оп-

ределенно становится элементом политики безопасности (С. 125). Автор прослеживает связь норвежской политики в вопросе присутствия на архипелаге с изменениями здесь советской активности. Он приходит к выводу, что стремление сдерживать усиление СССР ограничивалось недостаточностью ресурсов Норвегии, которая, однако, сказывалась и на норвежском присутствии на Шпицбергене (С. 126).

Тему взаимоотношений соседствующих стран в период холодной войны продолжил С. Бунес (Университет Тромсё) в статье «Полевые экспедиции: полярные исследования и отношения Норвегии с Советским Союзом». Она интересна во многих отношениях. Констатируя, что «полярные исследования часто определялись высокой политикой» (С. 127), автор стремится разобраться в том, как политическая и научная составляющие взаимодействовали в норвежской линии в отношении СССР. Феномен прослеживается на протяжении двух периодов — первой половины 1960-х гг. и 1984–1993 гг. Первый период, по мнению Бунеса, интересен тем, что является началом усиления норвежского присутствия на Шпицбергене в 1960–1970-х гг., а второй — тем, что приходится на завершение холодной войны. В центре внимания автора — деятельность Норвежского Института полярных исследований (*Norwegian Polar Institute/NPI*). Отмечая, что арктическая политика рассматривалась государством в русле национальных интересов и вопросов безопасности, Бунес подчеркивает, что на Шпицбергене до 1960-х гг. Норвегия не предпринимала активных действий, ее присутствие было здесь достаточно умеренным (С. 129). Между тем, Север стал зоной стратегических интересов не только для СССР, но и для ряда западных стран. Поэтому экспедиции Института полярных исследований фактически играли на архипелаге чрезвычайно важную роль — они делали присутствие Норвегии здесь видимым, и тем самым демонстрировали ее права суверенитета над этими территориями (С. 130). Исследователя интересует и другой аспект темы — сотрудничество с Советским Союзом в области полярных исследований. Проследив развитие научных контактов двух стран в Арктике, Бунес приходит к выводу, что решающим фактором для достижения успехов в этой сфере стало наличие политической воли стран-партнеров, изменение политического климата в мире. Это стало возможно только с окончанием холодной войны. При этом более значительные усилия пришлось сделать странам Запада, в том числе Норвегии (С. 134).

Вопросы отношений России и Норвегии в Арктике анализирует и А. Порцель (Мурманский государственный технический университет). Его статья «Российско-норвежские контакты на Шпицбергене: российская перспектива» практически целиком основана на материалах регионального архива, что придает ей особую ценность. Исследователь сумел показать и официальные контакты, и неформальные отношения, сложившиеся у советских специалистов с норвежцами. Он делает однозначный вывод: они всегда были дружественными, даже в период холодной войны разногласия решались путем переговоров. Бывали ситуации, когда приходилось обращаться за помощью, — и норвежцы, и русские всегда ее получали. Представители обоих государств видели друг в друге не врага, а соседа (С. 141).

Норвежского историка Х. Тьелмеланда (Университет Тромсё) заинтересовал другой аспект темы холодной войны. В статье «Норвегия и Крайний Север: о политическом алармизме после Второй мировой войны» он ставит весьма интересную проблему, связанную с изучением механизмов принятия решений в сфере внешней политики. Понимая под алармизмом «политику, основанную на преувеличенных опасениях в отношении неверно понятых намерений “Другого” (в данном случае, Советского Союза и России. — М. И.)», Тьелмеланд подчеркивает, что такая политика формируется тогда, когда недоверие является постоянным, и неизбежно провоцирует обострение напряженности (С. 142). Он задается вопросом, можно ли считать политику Норвегии в ее отношениях с СССР в период холодной войны алармистской, и рассматривает основные этапы послевоенной истории в свете этой задачи. Как отмечает исследователь, алармизм был характерен для норвежской политики больше в начальный период холодной войны — эти настроения проявлялись в армии и разведке, особенно на региональном уровне (С. 146). Итогом стало присоединение страны к НАТО. С окончанием эпохи сталинизма начинается пересмотр наиболее «жестких» принципов внешней политики Норвегии. В этом повороте особую роль, по мнению Тьелмеланда, сыграл официальный визит премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена в Москву в 1955 г. После завершения холодной войны алармизм перестает характеризовать внешнеполитическую линию Осло. Норвегия и Россия, несмотря на имеющиеся разногласия и спорные вопросы, все больше переходят к отношениям, основанным на взаимном доверии. Этим они обязаны не только общей заинтересованности в снижении напряженности на Севере, но и тому, что у Норвегии в вопросах арктической политики больше разногласий с союзниками, чем с соседней Россией (С. 149).

Осмыслению общей ситуации в арктической политике посвящена статья У. Врокберга (Баренц-институт, Киркенес) «“Большая игра” на Севере — глобальный сценарий для местного применения?». Автор считает, что на фоне изменений климата и тенденций в развитии человечества возрастает значение арктических территорий в мировой политике (С. 157). Врокберг рассматривает основные геополитические подходы и теории, касающиеся настоящего и будущего Арктики, уделяя особое внимание современным концепциям. В частности, он анализирует идеи постмодернистской школы, появившейся в новых геополитических условиях, когда в Арктике пересекаются интересы многих государств и транснациональных корпораций (С. 158). Вопреки мнению многих аналитиков, считающих «битву за Арктику» неизбежной, Врокберг убежден, что в этом регионе возможен более оптимистический сценарий развития событий, реализующий взаимные интересы как стран арктического региона, так и мирового сообщества в целом (С. 162–163).

В целом материалы семинара, опубликованные в рецензируемом сборнике, дают историкам, экономистам, политологам представление об основных дискуссионных проблемах, волнующих всех исследователей Арктики и специалистов в сфере российско-норвежских отношений.